

М. И. Ромм опубликовал на страницах «Советской культуры» (№ 56) статью «Не отставать от бега времени». Сквозная тема этой интересной, хотя и далеко не бесспорной статьи: ищите в кинематографии новые драматургические средства, которые позволяют фильмам «не отставать» от грандиозных, всемирно-исторических событий нашего времени.

В эти рассуждения совершенно неожиданно врывается вопрос об «Анне Карениной» и об инсценировке романа. С явным раздражением обрушивается Ромм на мою «драматическую композицию», которую, кстати говоря, я сделал 25 лет назад и которая без малого четверть века остается в репертуаре Московского Художественного театра, впервые поставленная весной 1937 года.

Я не собираюсь присваивать себе лавры знаменитого театра, но факт остается фактом. «Анна Каренина» на сцене выдержала испытание временем.

Я никогда не стал бы отвечать Ромму, если бы он не заявил (и притом в категорической форме), что главное впечатление от моей инсценировки: «Толстой внезапно поглупел». Право, есть в этой рискованной фразе ощущение панибратства к великому писателю земли русской.

Дело, однако, не только в этом. Ромму не понравилось, что, сохранив текст Толстого, я не сохранил, как он выражается, «контекста времени». Вот за обедом у Стивы Об-

«Анна Каренина» и «бег времени»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

лонского идут споры об обрусении Польши и женской эмансипации. Ромм утверждает: мы читаем эти споры с живым интересом, но прибавляет: они не могут нас сейчас волновать.

Неужели ради такого «контекста времени» надо воспроизводить на сцене и на экране то, что зрителя (а не читателя) не может волновать. Ромм слишком опытный и киноматург, и кинорежиссер, чтобы требовать этого. Вот почему моя драматургия «Анны Карениной» строилась не просто как инсценировка, а как целостная трагедия Анны. И это легло в основу работы театра.

Вл. И. Немирович-Данченко, руководивший постановкой вместе с В. Г. Сахновским, писал в своих заметках: «В нашем спектакле дается почти полностью линия Анны. Трагедия Анны. Трагический конфликт между охватившей ее страстью и жестокой, фари-сейской, господствующей над ее жизнью моралью ее среды и эпохи». В тех же заметках читаем: «Роман так богат и идейным, и художественным содержанием, что даже часть его может представить прекрасное целое». Я не буду приводить ни другие высказывания Немировича-Данченко, ни все подробности создания пьесы и спектакля. Все это можно найти в книге, посвященной постановке «Анны Карениной» и изданной МХАТ в 1938 году.

Интересно, почему же все-таки молнии гнева Ромма обрушились на мою инсценировку «Анны Карениной»? Оказывается, еще и потому, что Ромму, как он заявляет, не так давно пришлось работать над экранизацией «Анны Карениной» Толстого. Вероятно, эта его собственная работа дала ему право выносить обвинительный приговор своим предшественникам. Если уж быть последовательным, то и по линии кино Ромму следовало бы «учинить расправу» со мной. Ведь параллельно с работой театра я в ту давнюю пору делал сценарий «Анны Карениной» для кино (эта работа не имеет ничего общего со съемкой фильма-спектакля «Анна Каренина»)... Самостоятельный «каренинский» фильм должен был также осуществляться под руководством Вл. И. Немировича-Данченко. Он мыслил, сохраняя общую с театром драматургическую основу, опираться на приемы специфической киновыразительности. Нельзя, например, ставить в кино «скачки» так, как их показывал театр. Дру-

гие средства, другие возможности.

У меня сохранилась телеграмма С. М. Эйзенштейна, который хотел ставить «Анну Каренину»: «Передайте Волкову... очень интересуюсь «Анной Карениной». Причем речь шла и в этом случае о той же драматургической концепции, которая была осуществлена в театре.

Когда «Мосфильм» поручил ставить в одной серии «Анну Каренину» В. И. Пудовкину и М. И. Доллеру, то вместе с этими замечательными художниками я работал над кино-редакцией моего литературного сценария, который они превращали в сценарий режиссерский. Драматургическая основа была та же, что и в театре, но появились и новые эпизоды, и новые ракурсы, и новые кинокадры, «подсказанные» самим романом. Затем в кино произошло изменение репертуарных планов, фильм не был осуществлен, как не была осуществлена одновременно экранизация Роммом «Пиковой дамы». Но, к счастью, режиссерский экземпляр Пудовкина и Доллера сохранился, и я подробно изложил его содержание и развитие в статье «Неосуществленный фильм», напечатанной в журнале «Искусство кино» № 7 за прошлый год.

И вот сейчас, по прошествии 25 лет, Ромм пишет, что в моей инсценировке «Толстой внезапно поглупел»!

Неприятно повторять эти слова Ромма, но я вижу, что субъективное мнение автора экранизации романа он считает объективным и это мешает ему воспринять другую инсценировку «Анны Карениной» даже в «контексте времени» ее появления. Мешает ему и его раздражение отнестись с должным вниманием к тем великодушным деятелям советского театра и кино (себя к ним не причисляю), которые работали над спектаклем и фильмом «Анна Каренина» и знали, что в искусстве существует не только творческое высокомерие, но и творческое уважение друг к другу.

Мы живем действительно в стремительном и головокружительном беге времени, и обсуждение вопроса о новых средствах отражения нашей жизни на экране необходимо. Но не надо забывать, что бег времени создает события и внутри самого творчества. Это и «Броненосец «Потемкин» С. Эйзенштейна, и «Мать» В. Пудовкина, и первые фильмы о Ленине самого Ромма, и многое другое...

Вот почему, смотря вперед, не следует так безапелляционно хулить достижения прошлого.

Николай ВОЛКОВ.

3 ОМАЯ 1961

СОВЕТСКИЙ ИСКУССТВО
Г. МОСКВА